

Афиша Париж - Европа

Веб-журнал "Европейская Афиша" №10 22/10/2012– www.afficha.info

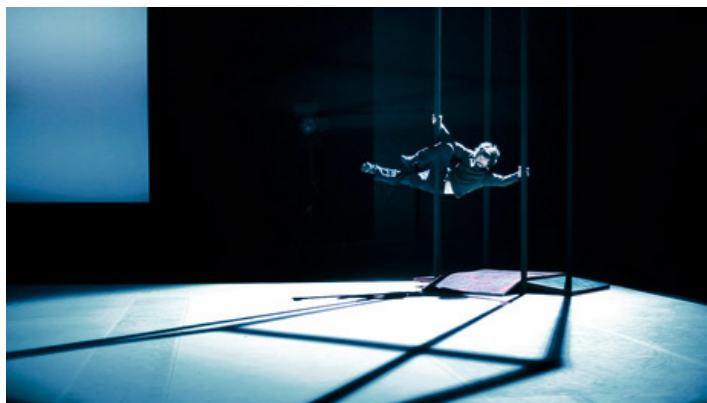
Арпад Шиллинг, искусство реальности.

Екатерина Богопольская

38-летний Арпад Шиллинг, самый радикальный режиссер Венгрии, одновременно *enfant prodige et enfant terrible* европейской сцены, поставил в парижском театре Chaillot спектакль «Noéplanète», в котором, ни много ни мало, хочет предложить новую модель общества.

У Шиллинга репутация гения - в самом деле, в 21 год он создает свой театр Krétakör (дословно, Меловой круг, как пьеса Брехта), который почти сразу получил мировую известность. В 26 лет его спектакль «Ваал» по Брехту приглашают на самую престижную сцену Франции, в Одеон. С 2000 по 2008 спектакли Krétakör регулярно включаются в программу лучших фестивалей Европы. В этот же период его начинают приглашать на постановки в самые знаменитые театры - в берлинский Schaubühne, миланский Piccolo, венский Burgtheater. Среди многочисленных премий – московская премия Станиславского 2005 года в номинации «За развитие идей психологического театра на современной венгерской сцене», премия Европы — «Новая театральная реальность» (2009).

А в 2008 году происходит сдвиг - он реконструирует свой театр, который перестает быть репертуарным, и пускается в свободное плавание, занимаясь в основном педагогической деятельностью, близкой к социальной практике: работает в маленьких сельских школах, в неблагополучных кварталах городских окраин и т.д. Можно сказать, от политического театра Шиллинг все более переходит просто к прямому социальному действию. Сам он определяет свой новый этап как эскапологию. Дословно, этот термин означает «технику освобождения от различных ловушек», применительно к Шиллингу – выход за пределы традиционных кодов театра. Все это сказалось и в новой работе.

В основе спектакля «Noéplanète» заложена история простая: наша цивилизация переживает кризис. Группа ученых предлагает начать новую цивилизацию на другой

планете. Кого из землян взять на современный Ноев ковчег и отправить в будущее? Так приблизительно можно назвать общую идею спектакля. Понятно, что к ней произведение Шиллинга не сводится. Можно даже сказать, что к середине спектакля режиссёр как будто вовсе потерял ее из виду, и вспомнил только к самому финалу. Правда, в промежутке будет сцена двух ученых спорящих о том, как образцы людей, отправленных на новую планету, будут избавляться от негативного опыта человека Земли. Отправить младенцев? Но как обойтись без матери? Или просто заселить ту планету амебами, которые через определенное количество тысячелетий превратятся в человека «с новым опытом». Спектакль, как всегда у Шиллинга, сочиняется на сцене из самых разных элементов - танец, видео, театр, цирк и даже реалити-шоу. Все расплывчато, композиция самая свободная.

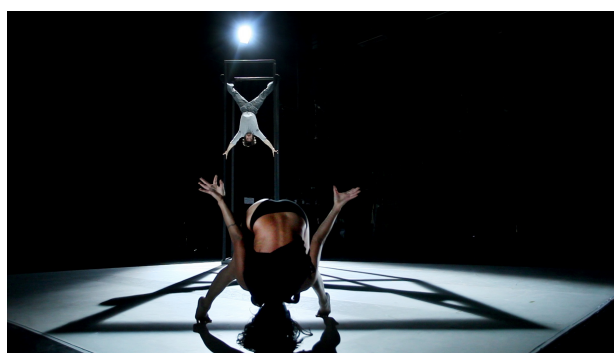
Изначально Арпад Шиллинг хотел просто рассказать перипетии истории двух детей-цыган, странствующих с родителями по дорогам Франции, а затем выставленных на родину миграционными службами. Но только по ошибке вернули их не в Бухарест, откуда они родом, а в Будапешт. Зачем это рассказывать? Чтобы привлечь внимание к бедственному положению цыган в сегодняшней Европе. Но в процессе работы родился другой сюжет: теперь это только одна из вставных новелл, героем же стал симпатичный 24-летний цыган Марси, которого Арпад встретил на одном из своих сельских стажей в Венгрии, а потом привез в Париж для участия в «Noéplanète».

Планшет сцены представляет собой белый экран. Другой экран, поменьше, установлен над сценой, на нем проецируются эпизоды из фильма, который Шиллинг снял в Венгрии этим летом. Картинки видеоряда и действие на сцене интерактивны. Например, всю первую часть спектакля мы оказываемся свидетелями любовного разрыва молодой пары, причем мужчина снят спиной, мы его не видим, зато женщины постоянно меняются, так что один и тот же текст произносится много раз. (Любовные отношения трактуются как вид ловушки, из которой персонажи должны во что бы то ни стало вырваться). Потом двое из актеров оказываются на сцене, и играют, с большой убедительностью, длинный отрывок на тему кастинга: он просит ее показать «невозможное в театре». Чтобы взять на роль? Или в Ноев ковчег? Не суть важно, потому что на подходе уже новый сюжет. В центре которого брат и сестра, нелегальные эмигранты из черной Африки. В этом сюжете непорядочный журналист, которому брат должен деньги, принуждает его к проституции с важным государственным чиновником - чтобы потом подставить этого чиновника через видеозапись происходящего. Наверное, это самая пронзительная сцена спектакля – парень, абсолютно голый, стоит на авансцене и потерянно смотрит в зал, словно в поисках защиты, тогда как пресловутый чиновник требует от него нежности. И тот вдруг начинает петь, очень красиво петь какую-то наивную детскую песенку про гиппопотама.

В конечном счете заснять все на видео не получилось, но африканец наотрез отказывается повторить опыт. Чтобы спасти его, на свидание отправляется сестра. В общем, все на сцене лишь подтверждает: да, современный мир - это кошмар, от которого,

в самом деле, стоит бежать, хоть на другую планету. Большую часть спектакля на экран проецируются два видеосюжета (оба в черно-белой гамме), символизирующие, видимо, ту цивилизацию, которой пришел конец. На одном – свалка у автострады, где установил свой прицеп без колес цыган Марси (ему в спектакле подарена история мальчика, вернувшегося в Будапешт вместо Бухареста, только уже повзрослевшего). На втором – давящая перспектива пустынного города, напоминающая картины Джорджо де Кирико (например, «Меланхолия и мистерия улицы»), от которой исходит ощущение опасности. Внутри этой пустой улицы крупным планом долго показываются ноги жертвы, видимо, выброшенной или сброшенной из окна. Потом в этом кадре оказывается также Марси, и уносит девушку отсюда к себе в фургон – это та самая сестра-негритянка. Впрочем, она довольно быстро приходит в себя. И уже в следующем кадре вновь появляется на том же самом месте «улицы Кирико», где теперь лежит без движения другая жертва, малазийка. Так начинается еще одна вставная новелла - о проститутке из Бали, спасенной архитектором-европейцем. Он привез ее сюда, устроил у себя дома. А потом она ему надоела. И он ее просто выгнал.

Правда, эта банальная история рассказана хореографически, через встречу какой-то дикой первозданной энергии соло танцовщицы –индонезийки Эмили Комбер с пируэтами воздушного гимнаста-виртуоза Томаса Перрье. Шиллинг всегда использовал элементы цирка в своих спектаклях (в 2009 он даже поставил спектакль, «Urban rabbits», с выпускниками Centre National des Arts du Cirque, французской академии цирка). Мозаика «Noéplanète» перемежается красивыми вставными номерами с гимнастами, которые спускаются и поднимаются по веревочной лестнице, спущенной с колосников. Красивыми, но мало поддающимися считыванию смысла. В общем, самыми яркими моментами всего спектакля, идущего два с половиной часа, оказываются эпизоды в жанре реалити-шоу, в которых на сцене представляют настоящих цыган. В первом - того самого парня Марси, смело шагнувшего из закулисья фильма на сцену театра, во втором, подростков, брата и сестру из Румынии, которые нашли приемную семью и остались жить во Франции. Зрителям представляют героев, а потом предлагают задавать вопросы. Но диалог какой-то невсамделишный, фальшивый - потому что переводчик, якобы из зрителей, на самом деле ассистент Шиллинга, вопросы из зала тоже, очевидно, не совсем импровизационные: очень все походит на хорошо подстроенную игру, где зрителям предлагают съесть приблизительно то, что хотелось бы режиссеру. Дети действительно чудные, наивный цыган, рассказывающий как ему хочется жениться, создать семью, а потом вернуться искать работу во Францию, выглядит умирительно, но все вместе немного напоминает «человеческие зоопарки» XIX века, на которых европейцам показывали негров в клетке и прочие «дивности».

В финале, сначала на экране, а затем на сцене появляется розовый mustang кабриолет, за рулем которого длинноногая голливудская блондинка, а на сиденье уже

собраны цыгане и другие герои из отверженных, осталось всего одно вакантное место. Зрителям предлагается проголосовать - кого из европейцев взять в будущее. Высокопоставленного чиновника, продажного журналиста, архитектора, ученых? В нашем случае проголосовали за архитектора. Так что теперь можно с ветерком и в светлое будущее.

Шиллинга всегда интересовала проблематика вторжения реальности в вымысел, здесь же эта идея доведена до логического предела. Получился нехитрый агитпроп. После спектакля аплодировали в основном подростки, собравшиеся в зале. На следующий день рецензии вышли очень сдержанные. Политическое высказывание - спасай цыган, они хорошие, какое-то худосочное, потому что голого призыва мало, а художественного высказывания не получилось. Кто сказал, что Шиллинг-гений?

Вместо послесловия. Для газеты «Libération» Шиллинг написал яркий политический текст о притеснении цыган в сегодняшней Венгрии, но так, что сквозь строки читается и намек на французов, которые, ну не хотят принимать у себя работающее племя свободных путешественников. Статья эта была напечатана одновременно с рецензией на спектакль. А всего несколько дней спустя, та же «Libération» напечатала репортаж, в котором рассказывается об обширной операции французской полиции по отслеживанию хорошо организованной банды сербских цыган, в течение года обчищавших загородные дома с помощью милой девочки по имени Ромина и нескольких ее подружек. Интересно, задаст ли кто-нибудь наводящий вопрос во время спектакля Арпада Шиллинга?

Crédit photos : THEATRE NATIONAL DE CHAILLOT